

лучится сложновато, а вернее даже — много и скучно. А если просто иметь некоторую голову на плечах и представить систему сразу, то это удивительно просто и без всех этих копенгагенских штук... Эти штуки...

Председатель. Вы знаете, я, кажется, представляю.

Философ. Ну, вот и хорошо.

Квартира художника.

Художник. Смотрите-ка! Пока мы с вами чай распивали и болтали как воробьи — уже ночь. Как вы будете домой добираться? Я вызову такси.

Философ. Не буду удивлен, если ему ответят, что машину могут дать только через полтора-два часа.

Художник (опускает телефонную трубку). Вот это да! Говорят — только через полтора часа. Что же делать-то? Ну, в конце концов, вы можете ночевать здесь.

Темная. Спасибо. Можем.

Художник. Уместитесь вдвоем на кровати?

Темная. Попробуем.

Художник (через коридор). Ну как?

(*Хохот*) Не пинайся, лежи смирно. (*Шум*).

Светлая. Входите, входите, мы под одеялом.

Художник. По-моему, вы только слегка под одеялом.

Светлая. Гм, вы разглядели? Здесь темно.

Темная. А нам жарко. А вам? Да вы разденьтесь.

Художник. Простите, мне неудобно.

Темная. А нам было удобно?

Художник. Вам — вполне. Ну, ладно...

Светлая. Ах, вы уже разделись? Где спички?

Художник. Вы курите? Тогда и я.

Усаживается в кресло за изголовьем кровати.

Темная. Нам вас не видно, так трудно разговаривать.

Художник (пересаживается на край кровати). А куда девать пепельницу?

Светлая. Ставьте мне на живот.

Художник. Но он голый.

Светлая. А пепельница прохладная, вот и хорошо.

Пепельница падает, скатывается и мундштук художника с сигаретой. Обе садятся и выгребают пепел. Одеяло почти сползает с них.

Светлая. Вот мы прожжем вам простыню. Лучше устраивайтесь здесь, в середине, и обе пепельницы поставим на животы.

Они лежат втроем. Темная натягивает одеяло и начинает шарить рукой по груди художника. Он молча терпит. Его рука заходит под шею светлой и касается ее плеча. Это первое прикосновение, которое он долго не забудет. Она поворачивает к нему голову и прижимается.

Светлая. Тесно, правда?

Темная. Это мне тесно.

Светлая. Слушай, ведь ты не успела дочитать...

Темная. Успела.

Светлая. А ты не хочешь сейчас?

Темная. Это ты хотела.

Светлая. Слушай, ну, будь хорошей.

Председатель. Станный сон. Разве так бывает?

Философ. Во сне бывает.

Председатель. Но, мне кажется, все, что здесь происходит, не совсем пристойно и просто неудобно воспроизводить...

Философ. У Потоцкого — удобно, у Луве де Кувре — удобно, а здесь — неудобно? Но, насколько я понимаю, тут происходит нечто иное, чем у тех.

Светлая. Я умоляю тебя, пойди почитай.

Художник. Я тоже. Умоляю, ну, пожалуйста, чего вам стоит.

Темная. Какая ты скотина. Вы оба скоты. **Светлая.** Ну дорогая, ну милая, пожалуйста. А потом я пойду читать...

Темная. Ах, скажите, распределила! Потом я тебе морду набью.

Светлая. Хорошо, набьешь. Ну, пожалуйста, ста!

Темная (перебирается через обоих и соскакивает с кровати). Свины вы... (Уходит в другую комнату).

Художник. Да я вовсе не хочу, чтобы ты потом читала.

Светлая. А если б ты даже хотел...

Художник. Не царапайся.

Светлая. А ты что! Но мне же больно!

Художник. Терпи.

Светлая. Хорошо. я буду терпеть. И буду, и буду, и еще буду. О, боже, боже! Господи, буду. О, боже! Милый мой!

Художник. Любимая! Милая! Да, да, да!

Председатель. Они молятся?

Философ. Молятся.

Темная (из другой комнаты). У, какие свиньи!

Философ. Между прочим, у этой девушки, у беленькой, очень знакомое лицо.

Председатель. Действительно, на кого-то...

она похожа... Однако тут у меня полный беспорядок! Тот, поэт, увел мою секретаршу, этот привел двух девок...

Философ. Но вы забываете, что это только сон.

Председатель. Ах да, правда... Но вот этот сидит там с моими подтяжками... И я, так сказать, связан...

Философ. Нет, это он связан.

Председатель. И он тоже спит.

Философ. И видит сон.

Председатель. В том же духе?

Философ. Да не сказать, чтобы так. Он их как-то по-своему строит. У него какой-то, как он называет, косой маятник.

Председатель. Что это значит?

Философ. А вот, видите ли, идет перипетийная линия, разумеется, зигзагом. Но она идет в определенном направлении — вкось, под углом к некоему другому тяжестному, вертикальному направлению. А потом последним эпизодом выстраивается антитеза к усреднению этого зигзага — как бы маятник отклонился и возникает равнобедренный равновесный треугольник. То есть последний эпизод должен обладать силой, равной всему перипетийному зигзагу. В сущности, это естественное изменение векторов под влиянием силовых ударов соответствует самой органике жизни. Понятно?

Председатель. Абсолютно не понятно. Да, кстати, снимите с него мои подтяжки и свяжите его чем-нибудь другим.

Философ. Чем бы его (Ходит, заглядывая в углы комнаты, разводя руками).

Председатель. Вообще же, меня заинтересовали ваши высказывания, но странно, что вы ничего не писали. Чем же вы занимались?

Философ (подходит к писателю и рассматривает его подтяжки). Этими не свяжешь, из них резина лезет... Ну, разным...

Председатель. Точнее.

Философ. Если между нами?

Председатель. Да, между нами.

Философ. Ну, торговлей на барахолке... подделкой документов, комбинациями... было и воровством... мелким. Вообще-то, я педагог.

Председатель. Ах, вот как, педагог! Что же вы кончали?

Философ. А какое это имеет отношение к делу? Я же много раз заявлял, даже в письменном виде, что все мои дипломы потеряны. И вот так всегда. Как только появляется надежда на деньги, начинаются посторонние разговоры.

Председатель. Я спрашиваю только потому, что чувствую в ваших высказываниях такую, что ли, глубокую зрелость мысли, такую основательную эрудицию и подготовку. Вот и хотелось бы знать, какие вы кончали специальные учебные заведения?

Философ (уклончиво). А я как раз и преподавал в таких специальных учебных заведениях на разных исторических и филологических факультетах.

Председатель. Вы так меня заинтересовали некоторыми мыслями, что я хотел бы услышать, конечно вкратце, но так сказать в связанной форме, вашу мировоззренческую концепцию.

Философ. Пожалуйста: существует императив, и ему нужны деньги.

Председатель. И все?

Философ. Все остальное из возможного он может сам.

Председатель. А деньги?

Философ. Деньги не может.

Председатель. Позвольте, и об этом вы будете писать свой философский труд? Требуется около четырехсот страниц.

Философ. Прямо не знаю. Не люблю я это-го...

Председатель (раздраженно). Я уже объяснял. Мы идем навстречу и готовы удовлетворить потребности, спонсирующие творческой работе. Чего вам хотелось бы? Что вы любите?

Философ. Мечтать.

Председатель. Мечтать? Это о деньгах, что ли? (Философ молчит) Вы мечтаете еще о чем-нибудь?

Философ. Если между нами...

Председатель. Да, между нами.

Философ. Видите ли... Представьте, что вы переходите улицу, а тут идет машина. За рулем владелец с бакчами, еще баба с красной рожей. Сейчас много частных машин. Машина — как носорог Вася, у нее императив, то есть тот, за баранкой — он в машине и у него императив в форме своей машины. Может быть, он грек Онассис или знаменитый сценарист. И там может быть еще ее мамаша — едут на дачу после портвейна — и еще их сын, такой мальчиш полненький. Они выращивают жирных. (Подходит к окну) Вот, смотрите... Машина прет, и надо переждать, то есть уступить ей дорогу. Вы представляете себе, как это неприятно?

Председатель. Не очень представляю. Мне не приходилось.

Философ. Да в том-то и штука. А вы не приходите, что с вашей стороны это все-таки немного странно?.. Да вот, и я хотел бы, чтобы мне не приходилось... И я делаю вот что... Я поднимаю их вверх метров на двадцать и так держу... А потом... Ой! Что это?!

Видно, как за окном вверх взлетает парадная черная машина и переворачивается вверх колесами. Колеса бешено крутятся. Машина несколько секунд висит в воздухе, как будто ее держит какая-то сила. Внутри что-то требушится, но не разобрать — что. На секунду видно, что высовывается не то рука, не то нога. Потом внезапно эта сила отпускает машину, и она летит вниз. С улицы слышен грохот, хруст, чей-то истошный визг и вопли. Шум набегающей толпы. В окне появляется другая машина, на этот раз светленькая и поменьше. Прodelывает те же эволюции и валится вниз. Грохот и крики с улицы нарастают. Слышен визг милицеских машин.

Председатель (вскакивает с места и направляется к окну, поддерживая брюки). Что вы там делаете! Прекратите это!

Философ (слегка потрясен воплощением мечты). Это — да! Вот это да! (Нежно прикасается к председателю, как бы делись с ним радостью) Ладно, ладно, не буду. Чего торопиться, я потом.

За их спинами слышен хохот, оба вздрагивают и оборачиваются.

Писатель (он проснулся от шума, привстает в своем кресле и радостно смеется). Очень забавный сон!

Председатель. Нашли время!

Писатель. Понимаете, снится мне, что раннее утро и я слушаю "Пионерскую зорьку". Очерк под названием "Дружба". Какой-то мальчиш, такой будто толстоморденский, рассказывает. У них дома живет собака-боксер. Сейчас в моде боксеры. Что-то я припоминаю какую-то картинку, там портрет — стоит молодой человек и тоже собака. Очень парадно. Затем приносят котенка. Ну, боксер очень рычит. Тут, конечно, перипетийная антитеза. У них происходит дружба. Мальчиш рассказывает, как собака любит котенка. Бережет его, находит его во дворе, на сметнике, всюду. Берет в зубы и приносит домой. Все, как полагается в детской литературе, которая обязана быть доброй и чистой. Но однажды подросший кот отправляется в подвал и знакомится там с интересной кошечкой. У них начинается происходить тесная встреча. И вдруг появляется боксер, берет когта в зубы и уносит домой. Кот по дороге кричит: "Уберегите эту собаку!" — Тут я проснулся. (Во время его рассказа с улицы доносится шум, крики и вой милицеских машин) Чего это там шумят? (Он встает) А почему у меня на руках подтяжки? Это не мои подтяжки, совсем новые!

Философ. А ну-ка, идите сюда.

Писатель. Но у меня руки связаны.

Философ. Это ничего, вы только ногами. Смотрите, какой я умею делать фокус.

За окном взлетает сразу пять машин. Одна из них повернулась так, что к окну обращено ее брюхо с колесами.

Философ (с любопытством). Крутятся! (Машина падает вниз) А! Прямо в самую гущу.

Писатель. Это вы?

Философ (скромно). Да вот...

Председатель (раздраженно). Ну, хватит дурака валять! Я сказал — прекратите!

Философ (неожиданная, несколько запоздавшая реакция. Кричит с яростью). Ах, прекратить! Ах, мне запрещают валять! Ах, не велят валять! А кому не запрещают валять? Кто это имеет право валять? (Внезапно успокоившись) И главное, о чем идет речь? В этих красивых машинах не было ни одной Цветаевой, ни одного Мандельштама!

Председатель. Перестаньте орать. Это слишком серьезная тема. Если уж на то пошло, попробуйте изложить все спокойно.

На улице невообразимый шум. Видимо, подходят какие-то грузовые машины, крапы, бульдозеры или еще что-нибудь такое — словом, техника.

Философ. Ну да, спокойно. Слышите, какой шум собачий!

В это время приходит в себя художник. Он садится на полу, озябывається.

Художник. Боже мой! Я ее видел! Где она?... А почему такой шум? Ну, черт с ним. Ах, я проезжал тогда, и вдруг этот дом за деревьями. Он желтый и стоит особняком. Пустырь и деревья в снегу. И вдруг я понял, что она там, и хотел бежать к ней. Там один вход. Ступени. Я распахнул дверь... Только бы заставить ее дома, и мы будем одни, вместе. Но тут машина — а я торопился и взял такси — уже миновала пустырь и свернула. Я не успел. Надо найти этот дом! Как я мог так долго ждать! (Вскакивает) А что там происходит?

Писатель (кивает на философа). Он тут показывает фокусы.

Председатель. Ну, что вы хотите всем этим сказать? Выкладывайте.

Философ. Я не могу говорить в таком шум.

Председатель. Сами натворили. Теперь попробуйте их утихомирить.

Философ (ухмыляясь). Попробую.

Председатель. Э! Э! Что вы делаете, друг мой?

Видно, как противоположное здание со светящимися буквами на крыше "Граждане, храните деньги в сберегательной кассе!" сдвигается с места. На улице неимоверный вопль, писатель и художник подсказывают к окну. Вдруг художник выссовывается из окна и, перекрывая этот вопль, орет.

Художник. Господи! Она! Это ты, милая! Я здесь, здесь! Беги сюда скорее! Ну, скорее! Что с ней?! (Бросается на философа) Прекрати! Убью!

Председатель. Действительно, давно пора прекратить.

Философ (в ярости). Не подходите ко мне! Дом движется вдоль улицы, видимо, вместе со всем тем, что на ней содержится. Впечатление, что все сгребается большой лопатой. Шум удаляется.

Художник (бросается на философа). Ты ее убил!

Хватает его за горло. Философ вырывается и пинает художника. Художник рычит и бросается на него. Философ, спасаясь, вскакивает на стол и замахивается ногой. Художник хватается телефонный аппарат и запускает философу в голову. Попадает. Философ падает на стол и лежит неподвижно.

Председатель. Ну вот, доигрался.

Теперь за окном расчистилось широкое пространство, которое замыкается домами, стоящими спокойно на своих местах в глубине. Шум уходит все дальше. Стук в дверь.

Председатель. Да-да, войдите.

Дверь открывается, входит беленькая девушка и останавливается у порога. Художник с болезненным криком бросается к ней, в наступившей тишине слышны их голоса.

Художник. Это ты!

Девушка. Это ты!

Художник. Это ты!

Девушка. Ты!

Председатель. Куда вы исчезли? (Девушка изумленно смотрит на него) Вот те на! Она не узнает! Ведь вы — моя секретарша.

Девушка. Нет, не знаю. Я здесь в первый раз.

Председатель. Видите ли, я хотел попросить вас вызвать скорую помощь. Ну ладно, я сам. (Набирает номер) Не работает! Ах да, ведь он довольно сильно ударился о его голову. Гм, что же делать теперь? (Стук в дверь) Да-да, пожалуйста.

Входят все те же врач скорой помощи и сестра с боксом.

Врач. Это не вы нас вызывали?

Председатель. Да, именно. Мы как раз собирались.

Врач. Ага! А то звонят — срочно, катастрофа, авария — угол Социалистического и Октябрьской. Подъезжаю, а угол спокойный. Колбасу расхватали. Все тихо, жертв нет, я и подумала, что это у вас.

Председатель. Да, у нас. Вот жертва.

Врач. Ага, очень хорошо. И на стол положили.

Председатель. Нет, это он сам.

Сестра Верочка. Вот и молодец. Сейчас мы его разделаем.

Председатель. Может, вы его сразу забереете?

Верочка. А куда его забирать?

Председатель. Ну, как у вас обычно — в психиатрическую.

Писатель. И меня, наверное, тоже... У меня систематические бредовые синдромы и, кажется, с хронически прогредиентным течением...

Художник (в сторону). Во, нахватался, таскаясь с Ириной по психиатрам.

Врач. Это можно. Сейчас я его посмотрю. (Начинает выслушивать философа) Сердце... здоровое, легкие... Дышите глубже. Ах да, он без сознания. Верочка, переверните его на живот. (Верочка переворачивает). Теперь не дышите... Ах да, он без сознания. Переверните его обратно. Гланды... (процупывает) — в порядке... Не понимаю, чего ему нужно... (Задумывается) Что же я могу сказать? Похоже на шизофрению. Типичные расщепленные личности. Сейчас закончу. Покажите язык... Ах да, он без сознания. Верочка, откройте ему рот (Верочка пытается открыть философа рот).

● Павел Зальцман. "Победитель". 1940

Продолжение следует.